

ДВЕ РОДИНЫ ФЕОГНИДА

I.

Большинство тех, кто знаком с авторитетнейшим катехизисом античной аристократической морали – сборником Феогида,¹ – исходит из того, что поэт жил в соседних с Аттикой Мегарах Нисейских, хотя известно, что Мегар было несколько. После Нисейских (или Истмийских) Мегар самыми знаменитыми были Мегары Гиблейские. Кроме прямых указаний традиции (например, у Стефана Византийского),² упоминание героя Алкафоя в ст. 774 непреложно увязывается с именем одного из двух акрополей на двух городских холмах Мегар Нисейских.³ В знаменитой и вызывающей много споров Феогидовой *сфрагиде* (Theogn. 19 sqq.) в стт. 22–24 сказано:

ὄδε δὲ πᾶς τις ἐρεῖ· Θεὺγιδὸς ἐστὶν ἔπη
τοῦ Μεγαρέως· πάντας δὲ κατ' ἀνθρώπους ὀνομαστός·
ἄστοῖσιν δ' οὐπω πᾶσιν ἀδεῖν δύναμαι·

Как давно отмечено, упоминание имени Мегар без каких-либо указаний насчет их местоположения есть почти наверное указание на Мегары Истмийские, метрополию не только Мегар Гиблейских, но и множества значительных греческих городов.⁴

Тем важнее становятся для решения вопроса о родине Феогида ст. 783 слл., как увидим, уже в древности вошедшие в поле зрения тех, кого интересовал занимающий нас вопрос о Феогидовой родине:

ἤλθον μὲν γὰρ ἔγωγε καὶ εἰς Σικελὴν ποτε γαῖαν,
ἤλθον δ' Εὐβοίης ἀμπελόεν πεδίον,
Σπάρτην δ' Εὐρώτα δονακοτρόφου ἀγλαὸν ἄστρ·
καὶ μ' ἐφίλευν προφρόνως πάντες ἐπερχόμενον·

¹ Феогидов сборник цитируется по изд.: *Theognis*. Post E. Diehl edidit D. Young (Lipsiae 1961).

² Stephan. Byz. s. v. Μέγαρα: Μέγαρα, πόλις περὶ τὸν Ἴσθμόν, μέση Πελοποννήσου καὶ Ἀττικῆς καὶ Βοιωτίας, ἧς ἐπίνειον ἡ Νίσαια. ἐκλήθη δὲ ἀπὸ Μεγαρέως τοῦ Ἀπόλλωνος ἢ τοῦ Αἰγέως τοῦ Πανδίωνος τοῦ Ἐρεχθέως τοῦ Ἠφαίστου, ἢ διὰ τὸ τραχὺ τῆς χώρας. ὁ πολίτης Μεγαρεύς. ἀφ' ὧν Θεόγνις ὁ τὰς παραινέσεις γράψας.

³ См. карту древнего города в кн.: R. P. Legon. *Megara. The Political History of a Greek City-State to 336 B. C* (Ithaca – London 1981) 29.

⁴ См. карту с колониями Мегар Нисейских: R. P. Legon. *Megara*, 73.

ἄλλ' οὐτίς μοι τέρψις ἐπὶ φρένας ἦλθεν ἐκείνων.
οὕτως οὐδὲν ἄρ' ἦν φίλτερον ἄλλο πάτρης.

Нельзя, конечно, не считаться с тем, что поэту Феогниду, как утверждает большинство ученых, принадлежат не все стихи, числящиеся сегодня в *corpus Theognideum*.⁵ Отвергая предложение скептиков, требующих, чтобы *opus probandi* всякий раз ложился на того, кто в Феогнидовом сборнике ищет стихов Феогнида, признаем, что здравому смыслу будет соответствовать следующее правило: пусть тот, кто так или иначе решает вопрос об авторстве стихов в сборнике, ищет особых доводов; ни *Köhlerglaube*, принимающий все, что дает литературная традиция, ни иконоборческий пафос сами по себе аргументом не являются.

Сопоставим выраженный в ст. 783 слл. мотив с приведенными выше стихами из Феогнидовой “печати” (стт. 22–24). Подходит ли возникающий при этом силуэт автора к тому образу поэта, который формируется у читателя Феогнидова сборника в целом? Если предположим, что не только печать, но и ст. 783 слл. принадлежат Феогниду, чье имя носит сборник, получим по существу одно и то же горестное признание: поэт знаменит повсюду (это утверждается в обоих стихотворениях: ст. 23 и ст. 786), однако, не умея на собственной родине всем понравиться (ст. 24), он дорожит-таки родиной более всего (ст. 788). Иначе говоря: *nihil patria carius*.⁶ Чувства противоречивы, но принадлежность их одному человеку естественна – нет ничего более обычного в чувствах привязанного к родине человека, чем *odi et amo*, потому что жить среди знающих и понимающих наше прошлое часто трудно,⁷ однако и смысла в этом больше, чем в исторически (независимо от успеха) ущербной жизни среди людей, помнящих другое и живущих другим.

А если так, то получаем аргумент в пользу того, что единый автор обоих упомянутых стихотворений (а значит, Феогнид) считает себя гражданином Мегар Нисейских (ст. 783: *καί*). Оба давно замеченные “вступления” (ст. 1 слл., ст. 757 слл.), имеющиеся в нынешней первой книге Феогнидова сборника, принадлежат, как получает-

⁵ М. Л. Уэст (*Theognidis et Phocylidis fragmenta et adespota quaedam gnomica*. Ed. M. L. West [Berlin – New York 1978]), соперничая с РС, составляет первоначальный Феогнидов сборник – или, по меньшей мере, ядро его – таким способом, что истинного Феогнида можно обрести с помощью двух команд: *find Κύρυ-*, *find Πολυπαί-*.

⁶ У. Манкузо (U. Mancuso. *Per la sicilianità di Teognide // RFIC* 39 [1911] 212–222) приводит отличную параллель к этому мотиву: *Nom. Od.* IX, 21–28. Ср. прим. 19.

⁷ Ср. *Theogn.* 367 sq.; 287.

ся, ему же. Отметим здесь же, что из ст. 783 слл. (мы еще вернемся к этим стихам) следует еще и то, что Феогнид, происходя из Мегар Нисейских и, по-видимому, оставаясь их гражданином, бывал радушно принят в *Сицилии*, а значит – возможно, но не обязательно – в Мегарах Гиблейских.⁸

Откуда же на этом фоне утверждения о сицилийской родине и (или) сицилийском происхождении поэта? Об этом есть два поздних свидетельства, из которых влиятельнее Суда.⁹ Несравненно важнее, впрочем, высказывание Платона в “Законах”,¹⁰ где Афинянин выразился следующим образом (*Leg. I*, 630 a):¹¹

Ἡμεῖς δέ γε ἀγαθῶν ὄντων τούτων ἔτι φαμέν ἀμείνους εἶναι καὶ πολὺ τοὺς ἐν τῷ μεγίστῳ πολέμῳ γιγνομένους ἀρίστους διαφανῶς ποιητὴν δὲ καὶ ἡμεῖς μάρτυρ' ἔχομεν, Θεόγνιν, πολίτην τῶν ἐν Σικελίᾳ Μεγαρέων, ὅς φησιν [Theogn. 77–78]

πιστὸς ἀνὴρ χρυσοῦ τε καὶ ἀργύρου ἀντερεύσασθαι
ἄξιός ἐν χαλεπῇ, Κύρνε, διχοστασίῃ.

[...] ἔστι δέ, ὡς φησιν Θεόγνις, αὕτη πιστότης ἐν τοῖς δεινοῖς, ἦν τις δικαιοσύνην ἂν τελέαν ὀνομάσειεν. ἦν δ' αὖ Τύρταιος ἐπήνεσεν μά-
λιστα, καλὴ μὲν καὶ κατὰ καιρὸν κεκοσμημένη τῷ ποιητῇ, τετάρτη μέντοι ὁμῶς ἀριθμῷ τε καὶ δυνάμει τοῦ τιμῆ εἶναι λέγοιτ' ἂν ὀρθό-
τατα.

⁸ Указание Суды (см. след. прим.) на произведение Феогнида, посвященное εἰς τοὺς σωθέντας τῶν Συρακουσίων ἐν τῷ πολιορκίᾳ, очень глухи, тем более – в смысле хронологии, однако упускать из виду возможную связь Феогнида с Сиракузами не следует.

⁹ Suid. *Lex.* II, 692. 13–19, s. v. Θεόγνις (= Θ 136): Θεόγνις, Μεγαρέυς, τῶν ἐν Σικελίᾳ Μεγάρων, γεγονώς ἐν τῇ νθ' ὀλυμπιάδι. ἔγραψεν ἐλεγείαν εἰς τοὺς σωθέντας τῶν Συρακουσίων ἐν τῇ πολιορκίᾳ, γνώμας δι' ἐλεγείας εἰς ἔπη βῶ', καὶ πρὸς Κύρνον, τὸν αὐτοῦ ἐρώμενον, Γνωμολογίαν δι' ἐλεγείων καὶ ἐτέρας ὑποθήκας παραινετικάς, τὰ πάντα ἐπικῶς. Упоминаемое обычно указание на сицилийство Феогнида в одной из рукописей (Paris. gr. 2551 = ex-Regius 3233 f. 157^v) почерпнуто, скорее всего, из Суды.

¹⁰ Вместе с большинством не видим возможности следовать за теми, кто отрицал не только единство и завершенность “Законов”, но и самое их подлинность. Остро, хотя, на наш взгляд, чересчур рационалистически-аналитично разбирал ход мысли в начале первой книги “Законов” О. Жигон (O. Gigon. *Das Einleitungsgespräch der Gesetze Platons* // *MH* 11 [1954] 201–230). Это должно было вызвать и вызвало возражения, например, в монографии: Н. Görgemans. *Beiträge zur Interpretation von Platons Nomoi* (München 1960) 97, Anm. 1.

¹¹ Мы обратимся в конце нашего рассмотрения к одному из решений, предложенных в кратком и содержательном комментарии К. Шепсдау: Platon. *Nomoi (Gesetze). Buch I–III. Übersetzung und Kommentar* von K. Schöpsdau (Göttingen 1994 = *Platons Werke* IX 2) 173.

Речь идет о классификации четырех основополагающих добродетелей, причем Платон для пояснения своих оценок пользуется со- и противопоставлением двух поэтов – Тиртея, восславившего мужество в войне с внешним врагом, и Феогида, сетующего на ужас гражданских раздоров; это должно было помочь Платону провести мысль о том, насколько справедливость в политической борьбе труднее бесстрашия в бою. При этом Тиртей назван “сперва афинянином, потом лакедемонцем” (*Leg.* 629 a: τὸν φύσει μὲν Ἀθηναῖον, τῶνδε δὲ [т. е. лаконских сограждан Мегилла] πολιτὴν γενόμενον), – иначе говоря, имевшим одно за другим два гражданства.¹² Платонов Афинянин, таким образом, оспаривает взгляд на вещи того поэта, которого афиняне охотно рассматривали как своего далекого земляка.

Но обратимся к Феогиду, который назван гражданином Мегар в Сицилии. Именно эти слова осложнили представление о “родном городе Феогида”. Не считаться с этим высказыванием Платона, сохраненном в обширном контексте “Законов” и в еще обширнейшем – платоновского творчества, решительно невозможно: если бы Платон действительно сообщал, что Феогид происходит из сицилийских Мегар, это надлежало бы признать за истину.¹³ Другое дело, что есть различные возможности истолкования слов о Феогиде как “гражданине Мегар в Сицилии”:

(а) Платон думал, что Феогид происходит из Сицилии, между тем как его родина, конечно, Мегары Истмийские. Следовательно, Платон “просто” заблуждался (так считал, например, филолог I в. до н. э. Дидим).¹⁴ При этом, однако, непонятно, как Платон с его острым интере-

---

¹² А. И. Зайцев придавал большое значение большой горизонтальной мобильности, а значит, частой смене гражданства в архаическое время (А. И. Зайцев. *Культурный переворот в древней Греции VIII–V вв. до н. э.* [СПб. 2001] 69–77). О трудностях, связанных с обозначением таких перемен, и даже возникающей от этого путанице см.: J. Wikarjak. La signification des surnoms dits ἔθνικά chez les anciens Grecs // *Lingua Posnaniensis* IV (Poznań 1953) 164–188; А. Л. Верлинский. К боспорской просопографии: стоик Сфер // *Этюды по античной истории и культуре северного Причерноморья* (СПб. 1992) 150 сл. (приведены параллели к колебанию этника этого философа). Самый знаменитый и вызывающий до сих пор споры пример – этникон Геродота в начале его труда; об этом у нас: В. Г. Борухович. Геродот Галикарнасский или Геродот Фуриец? (К вопросу об авторской редакции введения в “Историю” Геродота) // *ВДИ* 1974: 1, 127–132.

¹³ Если бы Платон мог иметь в виду только это, нам не осталось бы ничего иного, как согласиться с Ю. Белохом (см. прим. 16), независимо от того, признаем ли мы действительными другие его аргументы, касающиеся хронологии Феогида и Феогидова сборника.

¹⁴ О мнении Дидима и других античных грамматиков речь пойдет в конце нашего рассуждения.

сом к поэзии мог не знать, где жил и страдал видный поэт мегарских соседей, у которых он провел некоторое время после смерти Сократа в ту пору, когда интерес к поэзии, обычно проявляющийся смолоду, был острым, а хранители литературных преданий могли кое-что сообщить о своем соотечественнике.

(b) Платон знает, что говорит; он знал и ценил Феогида, а со временем узнал и Сицилию, причем этот его опыт¹⁵ был сопоставим по остроте с политическим опытом Феогида. Платон не мог не знать, откуда поэт родом и где, в основном, развернулось его творчество. Платон утверждает, что его родина – Мегары Гиблейские. Следовательно, вульгата не права, и Феогид действительно был сицилийцем (энергично, притом трижды эту позицию отстаивал Ю. Белох, которому вторил ряд ученых, особенно итальянских).¹⁶

При этой позиции остается, однако, непонятным, как быть с уже упомянутыми выше несомненными признаками Мегар Нисейских в Феогиновом сборнике. Особую трудность составляют уже затронутые нами ст. 783 слл., потому что о сицилийской родине нельзя сказать: ἤλθον μὲν γὰρ ἔγωγε καὶ εἰς Σικελίην ποτε γαῖαν. Неудивительно, что Ю. Белоху приходилось отрицать принадлежность этих стихов его Феогиду-сицилийцу.

Между тем (помимо разумно консервативной установки) мы уже приводили психологический довод в пользу отличной сочетаемости этих стихов с Феогиновой “печатью”, которая, правда, неспособна защитить всякое стихотворение Феогида от подделок, зато сама аутентична именно из-за этой своей странности. Стараясь усилить нашу аргументацию в пользу аутентичности также и ст. 783 слл., приведем еще один довод в пользу этого, опираясь в этот раз на ближайший контекст. Ведь ст. 783 слл., хоть их и принято отделять от стт. 773–782 (Д. Янг, Б. А. Ван Гронинген,¹⁷ Ж. Каррьер¹⁸ и др.), превосходно при-

¹⁵ В. Тайлер (*Gnomon* 14 [1938] 625 ff.) высказался в том смысле, что слова ἤλθον ἐγὼ εἰς Σικελίαν в *Ep.* 2, 311 с подражает *Ep.* 7, 326 b, отражающему его первую поездку в Сицилию. Что касается легкого сходства с *Theogn.* 783, то оно скорее всего случайно, ибо для Платона слишком невыразительно.

¹⁶ J. Beloch. *Theognis Vaterstadt // Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik* 58 (1888) 729–733; ср. Idem. *Zur Geschichte der älteren griechischen Lyrik // RhM* 50 (1895) 250–255; его же последнее высказывание на эту тему (*Griechische Geschichte* I, 2 [Straßburg 1926] 365–368) столь же неубедительно, сколь чеканно.

¹⁷ B. A. van Groningen. *Theognis. Le premier livre édité avec un commentaire* (Verhandelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, Afd. Letterkunde, n. r., D. 72, n. 1, Amsterdam 1966).

¹⁸ J. Carrière. *Theognis de Mégare. Étude sur le Recueil élégiaque attribué à ce poète* (s. l. 1948) 194.

мыкают к названному – очень феогиновскому – стихам с обращением к Фебу: “Феб, спаси нашу милую родину; (в отличие от нее) в других местах меня встречали, пожалуй, и лучше, но родина, тем не менее, всего дороже”.¹⁹ При этом как раз с объединением стт. 773–788²⁰ в цельное стихотворение выступает тот далекий от банальности поворот, какой поэт придал своей мольбе о любимом, хоть и трудном городе, – этим основной автор *corpus Theognideum* достигал и правды, и поэзии.

Кроме этого аргумента за соединение давно разлученных частей одного стихотворения есть и формальный довод в пользу такого представления. Ведь γάρ в ст. 783 в качестве не-причинного вызывает затруднение;²¹ и даже если нельзя вовсе исключать ‘утвердительное’ γάρ,²² правдоподобнее решение, которое в столь изысканных допущениях не нуждается.²³ А поскольку единое стихотворение Феогинова сборника с мольбой к Фебу о Мегарах, хранящих память Алкафоя (ст. 774), т. е. Нисейских, скорее всего принадлежит Феогиду,²⁴ то принадлежит ему и ст. 783, а следовательно, поэт как в момент создания

¹⁹ См. выше прим 6. Кроме того: *Hom. Od.* X 29 sqq., 235 sq., *Il.* XII 243 (что надо защищать родину сказано, а плохую или хорошую – нет); *Eur. frag.* 6 N. 2; *Men. Monost.* 216 etc.

²⁰ У. Манкузо (*Mancuso. Op. cit.*, 216 sgg.) готов соединить в единое целое стт. 757–788, выбросив четверостишие 769–772. Однако в качестве обращения к Музам последнее уместно в контексте “второго вступления” (ср. *Theogn.* 15–18!), а сходство обоих вступлений в том, что перед нами некие вводные циклы обращений к богам.

²¹ Ван Гронинген (*op. cit.*, ad loc.) приводит параллели, показывающие, насколько естественнее принять, что γάρ в *Theogn.* 783 *продолжает* рассуждение; таковы: (а) близкая параллель в Феогиновом сборнике ст. 915: εἶδον μὲν γάρ ἐγώγε (также с последующим ἀλλά); (б) так же и в *Od.* VI, 164 слова ἦλθον γάρ καὶ κεῖσε служат продолжению рассуждения, а не его началу (последнее из названных мест настолько напоминает разбираемый пассаж Феогинова сборника, что трудно удержаться от впечатления: автор последнего ориентировался на приведенные слова *много повидавшего* Одиссея). Впрочем, весьма интересным для защиты самостоятельности ст. 783слл. представляется и другой пассаж из ‘Одиссеи’ (XII, 154 sqq.), где γάρ стоит в зачине речевого обращения, а следует за ним опять же ἀλλά.

²² Что касается γάρ в (имеющем ныне вид двустишия) загадочном речении 1229 сл., толкование которого сильно продвинул В. В. Зельченко (*Theogn.* 1229–1230 // *Hyperboreus* 3 [1997]: 2, 237 слл.), то именно начальное γάρ (*ibid.* 238, прим. 5) оставляет сомнения в самостоятельности этого двустишия, как и в самодовлеющем характере ст. 783–788.

²³ J. D. Denniston. *The Greek Particles* (Oxford 1954) 57 (‘asseverative force’), 68 ff. (‘anticipatory γάρ’): в обоих случаях знаток не уверен в самом существовании таких значений, а случаи, наиболее к последним подходящие, мало похожи на случай, разбираемый нами.

²⁴ Минует отчаянные решения – поиски третьих Мегар или второго Феогида (J. Beloch, F. Jacoby и др.) в тех же Истмийских Мегарах и т. п.

“печати”, так и ст. 773–778 не сицилийский гражданин, а гражданин Мегар Нисейских.

(с) Убедительнее при анализе платоновского высказывания в “Законах” позиция тех последователей Ф. Г. Велькера²⁵ (например, Г. Ф. Шеманна,²⁶ А. Круазе,²⁷ В. Али²⁸), которые считали, что у Феогнида было две родины: первая – Мегары Нисейские, где он родился и долгое время жил, откуда уезжал и куда возвращался; вторая – в какой-то момент его жизни – Мегары Гиблейские.

Ведь если учесть контекст, в котором появляется разбираемое высказывание у Платона, нельзя не заметить, что у Тиртея, который в платоновском рассуждении превращен в параллель к Феогниду, Платон, как уже упоминалось, подчеркнул принадлежность сперва Афинам, потом Спарте, т. е. смену гражданства.²⁹ По-видимому, то же самое, хотя и более прикровенно, применено Платоном к Феогниду.

В самом деле, не удивительно, что Феогнид с его политическим темпераментом и поэтическими выступлениями иногда предпочитал оставлять родной город для Спарты, Эвбеи, Сицилии и ряда других мест,³⁰ а мог стать и прямым изгнанником.³¹ Чем же в таком случае Мегары Гиблейские – основанная в середине VIII в. до н. э. сицилий-

²⁵ Труд Ф. Г. Велькера о Феогнидовом сборнике, ставший крупнейшей вехой в изучении последнего: Fr. G. Welcker. *Theognidis Reliquiae* (Frankforti 1826).

²⁶ G. F. Schoemannus. *Opuscula Academica* IV (Berlin 1871) 34 (указание Ф. Фельген-троя. FUB, который помог найти казавшуюся недоступной для нас ‘программу’ Шеманна: idem, *Schediasma de Theognide* [Gryphiswaldiae 1861]).

²⁷ A. Croiset. *Histoire de la littérature grecque* II (Paris 1914) 147 suiv.

²⁸ W. Aly. *Theognis* // *RE* V A (1934) 1972 f.: Феогнид принадлежит Мегарам Нисейским, но – “по убеждению Платона”, которому В. Али считает нужным доверять, – в какой-то момент (‘einmal’) получил гражданство и в Мегарах Гиблейских. О времени получения этого гражданства см. ниже прим 53.

²⁹ Отвлекаемся здесь от споров относительно происхождения Тиртея, которого называли и спартанцем, и милетянином. между тем как его афинское происхождение – лишь одна из версий, а именно патриотическая афинская, имевшая, правда, широкое хождение в древности (A. v. Blumenthal. *Tyrtaios* // *RE* XIV A [1948] 1941 ff.). Привычность в рамках афинской пропаганды V в. легенды об аттическом учителе, выигравшем Мессенскую войну, обосновал К. В. Мюллер (C. W. Müller. *Der schöne Tod des Polisbürgers oder ‘Ehrenvoll ist es, für das Vaterland zu sterben’* // *Gymnasium* 96 [1989] 326–331).

³⁰ Этот материал тщательно собран, а его трудности рассмотрены в работе: Eug. Loev. *Quaestiones Theognideae* // *ЖМНП* 253 (1887): октябрь, 64 слл.

³¹ Гете, как известно (Loev. *Op. cit.*, 74), оценил творчество Феогнида выше, когда понял. “...daß ein Emigrierter diese Elegien gedichtet und geschrieben” (формулировка не вполне точная, но ценная в суггестивном плане).

ская колония Мегар Нисейских – не место для нового гражданства³² поэта, тем более что политические процессы в метрополии и в колонии развивались не синхронно?³³ Есть и внешнее свидетельство, отчасти указывающее в том же направлении, – какое-то произведение о спасшихся сиракузянах, которое в статье о Феогниде упоминает Су-да.³⁴ Это примечательно, хотя сейчас невозможно решить, имелись ли там упоминания о сицилийском гражданстве Феогнида³⁵ (даже если автором этого произведения был действительно он). О неких более осязаемых для нас свидетельствах античных биографов о смене Феогнидом своего гражданства речь еще пойдет ниже.

Надлежит, поэтому, внимательно разобрать внутреннюю форму – мотивы и тон – платоновского высказывания в контексте первой книги “Законов”. Почему он сказал о второй родине Феогнида менее определено, чем о Спарте для Тиртея? По-видимому, имеет место ирония – но в чем именно она заключалась? Здесь опять есть различные пути истолкования.

(а) Б. Лаваньини, развивая (*de facto*) тезис Ф. Ницше,³⁶ говорил о пародии Платона на сицилийцев с их манией величия: от них зачинатель комедии Эпихарм, от них же и Феогнид – один из отцов гномической поэзии.³⁷ На это приходится возразить: на сицилийцах внимание читателя “Законов” не только не сфокусировано – о них вообще не было речи, так что привлекать их в контекст и без того перенасыщенный мыслью было бы натяжкой.

³² A. J. Graham. *Colony and Mother City in Ancient Greece* (Manchester 1964) 117, 217. ср. 66 (прямые свидетельства о взаимных правах граждан метрополии и колонии имеются для более позднего времени, но права эти весьма вероятны для первых веков колонизации).

³³ K. Ziegler. *Megara Hyblaea* // *RE* XVI (1931) 206. От вопроса о датировке жизни и творчества Феогнида мы – в рамках настоящего рассмотрения – отвлекаемся сознательно, чтобы не считать доводом по поводу одного нерешенного вопроса соображения не менее, а может быть, и более шаткие.

³⁴ Платон (*Meno* 95 d) существенно подкрепляет представление о феогнидовском авторстве также и этого текста о “сиракузянах”, когда оказывается, что ἐλευεῖα (соответствующие в той или иной степени нашему Феогнидову сборнику) – лишь одно из произведений (ἔλλα) Феогнида.

³⁵ Такое предположение высказывал Ф. Ницше (F. Nietzsche. *Zur Geschichte der Theognideischen Spruchsammlung* // *RhM* 22 [1867] 189–193), а задолго до него – Эли Вине (Elias Vinetus: 1509 – 1587) в предисловии к парижскому изданию 1543 г. (шифр РНБ: 7. 31. 4. 73).

³⁶ F. Nietzsche. *Op. cit.*, 198f.

³⁷ Это хорошо понятно как реакция итальянского филолога (Lavagnini. *Op. cit.*, 87) на слишком большую готовность итальянских исследователей принять вслед за жившим преимущественно в Италии Ю. Белохом сицилийство знаменитого грека.

(b) Ж. Каррьер толкует то же самое иначе, правда, не совсем отчетливо:³⁸ как в случае с Тиртеем, так и с Феогидом поэты, будто бы, представляют с одной стороны культуру собеседников Афинянина, а с другой – аттическую. Это не вполне внятно, тем более что Мегары не вотчина афинян и один из трех беседующих, Критянин, вообще остается не у дел.

(c) Наш анализ приводит к следующему пониманию пассажа из первой книги “Законов”: как старый мастер композиции Платон заботливо направляет читательское внимание. Занявшись сопоставлением двух добродетелей, Платон вводит сравнение судеб и идей двух певцов, из которых каждый воспевал – будто бы³⁹ – только одну из них. Певец мужества, бывший афинянин Тиртей, не оцененный согражданами, зато впоследствии ставший спартанцем из спартанцев, отвергается собеседником, представляющим в диалоге Афины; напротив, Афинянин принимает мнение о предельной трудности гражданского раздора, отстаиваемое Феогидом, “гражданином Мегар в Сицилии”.

Исходя из общего представления о том, что Феогид связан прежде всего с Мегарами Нисейскими, и усмотрев в тексте структурную аналогию:

“Тиртей:	Афины	→	Спарта;
Феогид:	<?>	→	Мегары Сицилийские”, –

нетрудно восполнить недостающий член, а именно <Мегары Нисейские> в качестве (первой) родины Феогида – места, где он вырос и сбился как поэт. В недостаточном внимании к этому обстоятельству заключалось *πρῶτον ψεῦδος* многих построений – из гражданства слишком поспешно делался вывод о происхождении. В случае с Феогидом Платон выражает свою мысль почти в тех же словах, что и с Тиртеем, но – если учесть разобранную только что структуру – он может себе позволить быть чуть менее определенным, тем более что это отвечало его желанию дать читателю немного подумать и оценить задорный парафраз, заключенный в словах *Θεογνίς, πολίτην τῶν ἐν Σικελίᾳ Μεγαρέων*.⁴⁰ Указания на сицилийскую ро-

³⁸ J. Carrière. *Op. cit.*, 194.

³⁹ Платон по своему обыкновению избирательно и своевольно обходится с материалом, предпочитая не замечать тех стихов сборника, где и Феогид прославляет мужество в бою, как, например, в стт. 549–554, 887–890.

⁴⁰ Обозначая вторую родину Тиртея (*Leg.* 629 а), Платон, как мы помним, выразил-ся так: *τὴν φύσει μὲν Ἀθηναίων, τῶνδε δὲ* (т. е. лаконских сограждан собеседника Мегилла) *πολίτην γενόμενον*. Ср. нейтральное, кажется, упоминание двух родин Героди-

дину Феогида у Платона нет;⁴¹ платоновское высказывание о феогидавом *гражданстве*, правда, не исключает этого, однако отнюдь не подразумевает этого необходимым образом.

Этим Платон попутно показывает, что оба поэта подвергаются оценке не по тому, откуда они родом, а по существу дела. И если молва сохранила за воинственным Тиртеем прямую боевую славу, то своей судьбой изгнанника из старших Мегар в младшие Феогид вольно или невольно засвидетельствовал жизненную основательность той позиции, какому ему приписывает Платон.⁴²

Предположив иронию в качестве внутренней формы платоновского высказывания, необходимо понаблюдать за сходными случаями иронии у Платона. Речь идет прежде всего об эмфатически употребленных этниконах или патронимиках, позволяющих выразительные парфразы при характеристике различных лиц.⁴³

Примечателен платоновский патронимик Геракла (*Theaet.* 175 a): εἰς Ἦρακλέα τὸν Ἀρφιδρύωνος (ср. Hdt. VII, 204: о двадцати предках Леонида); этникон Гомера, оказывается (*Resp.* X, 598 e – 600 e), неизвестен потому, что поэт ни одному городу не нужен; интеллектуалы мнят, будто место их проживания – Острова блаженных (*Resp.* VII, 519 c); один из ходячих принципов поведения эллина возводятся к деспотам (*Resp.* I, 335 e – 336 a) и т. д. Известная своей невнятистью для читателей нового времени шутка ὦ Φαλῆρεῦ в начале “Пира” (172 a) объясняется, нам думается, тем, что окликаемый хоть и не фалерец по месту жительства, зато фалерец по синонимному местонахождению.⁴⁴

ка, создателя иагратиптики, в *Prot.* 316 d (первой здесь названы Мегары, а второй – мегарская колония Селимбрия).

⁴¹ Это отмечали давно: например, Х. Флах (H. Flach. *Geschichte der griechischen Lyrik* 2 [Tübingen 1884] 394 ff.), что не мешало другим повторять этот опасный скачок мысли.

⁴² Феогид признавал необыкновенно трудным сохранить *моральные нормы* в гражданской войне; Платон подводит под высказывание Феогида нужную ему оценку: превосходство *справедливости* над другими доблестями.

⁴³ С классического времени многим было известно и понятно зловерное – оно же и зловещее – применение этникона безбожника Диагора к Сократу в “Облаках” Аристофана (*Arspn. Nub.* 830): Σωκράτης ὁ Μήλιος. Поэт Сим(м)ий Фиванский в *carmen figuratum* “Крылья Эрота” (*AG* XV, 24) называет Эрота Χάους ... παῖς.

⁴⁴ Это скорее потешное, чем остроумное речение подчеркивает, что два афинянина вдруг оказались в Фалере, да еще и встретились. Игра с этником подсказана греческим языком: слова на -εὺς могут в принципе означать как более или менее постоянный признак (напр. профессию), так и признак непостоянный, характеризующий лицо, которому довелось выполнить некоторое действие: например, χαλκεύς, с одной стороны, и φθορεὺς или δαταλεὺς – с другой; некоторые образования – скажем, τοκεύς – сочетают оба признака, иначе говоря – не дифференцированы в этом отноше-

В “Законах” материала такого рода меньше, так как в этом произведении имитация живого диалога, присутствующая до какой-то степени в первых книгах, постепенно стирается. Не беремся сказать, вкладывает ли Платон эмфатический смысл в слова о Пиндаре как фиванце (*Leg.* III, 690 b)⁴⁵ или упоминание и без того известного этника — дань региональной обходительности.

Был, впрочем, в греческой культурной истории один эпизод, весьма, нам кажется, похожий на то, что мы предполагаем у Платона. Надпись на бронзовой статуе стойка Персея, сына Деметрия, гласила: *Περσαῖος Ζήνωνος Κίτιᾶ*, что подменяло его кровное родословие школьной генеалогией. (В насмешливой поправке Биона Борисфенита — *Athen.* IV, 162 b — *Ζήνωνος οἰκετῖᾶ* изысканный патронимик отменяется). Еще поучительнее то обстоятельство что Дион Христом (36 [LIII] 5 von Arnim) в речи “О Гомере” говорит о Персее так: *Περσαῖος ὁ τοῦ Ζήνωνος*, ничем не выдавая, что цитирует ту самую надпись, над которой подшучивал Блон. Таким образом, он либо употребляет “патронимик” Персея лукаво (это представляется нам наиболее правдоподобным), либо запомнил академическую родословную, не понимая ее особого смысла — как раз так, как случалось с читателями первой книги “Законов” Платона в связи с этником Феогида.

Таким образом, в случае с Феогидовым гражданством (*πολίτην τῶν ἐν Σκελίᾳ Μεγαρέων*) угадывается политическая ирония Платона: неужели мы не поверим словам о трудности гражданской распри того поэта, который собственной своей судьбой подтвердил эту истину? Указывая на спасительное, может стать, гражданство поэта в Мегарах Сицилийских подразумевало применительно к Феогиду: “изгнанник Мегар Нисейских, которому посчастливилось получить (новое) гражданство в Мегарах Гиблейских, о котором он в более счастливых обстоятельствах не стал бы и думать”. — Несть пророка в своем отечестве.

II.

Положения, разобранные выше, не являются новинкой грецистики Нового времени. Текст, из которого узнаем много любопытного про античные споры о родине Феогида, таков, что его не только необходимо, но и хочется привести целиком (*Schol. Leg.* I, 190, 7 Bekker = *Schol. Plat. Leg.* I, 630 a [ed. W. C. Greene p. 301 sq.]):

нии. В русском языке сходное семантическое различие ярко выражено у слов, кончающихся на *-щик / -щица*: ср. ‘банщица’ и ‘купальщица’.

⁴⁵ Если предположить это, то можно усмотреть здесь не многоглаголие (все знали, откуда происходил Пиндар), а намек на фиванский культ силы во времена Эпаминонда — обстоятельство в пору написания платоновых “Законов” достаточно актуальное.

περὶ Θεόγνιδος καὶ τῆς κατ' αὐτὸν ταύτης ἱστορίας ἀμφιβολία πολλή ἐγένετο τοῖς παλαιοῖς. καὶ οἱ μὲν φασιν αὐτὸν ἐκ Μεγάρων γεννηθῆναι τῆς Ἀττικῆς· οὕτως ὁ Δίδυμος, ἐπιφυόμενος τῷ Πλάτῳ ὡς παριστοροῦντι· οἱ δὲ ὅτι ἐκ Σικελίας, εἰ δὲ καὶ μὴ εἶη ἐκ Σικελίας, οὐδὲν λυμáίνεται τὸ προκείμενον, ἀλλὰ καὶ τοῦναντίον· οὐ γὰρ ὑπὲρ Ἀττικοῦ ὡς Ἀθηναῖος λέγει, ἀλλὰ καίτοι πρὸς Ἀθηναῖον αὐτὸν παραβάλλων τὸν Τυρταῖον, τὸ ἀληθὲς περὶ τὴν κρίσιν ἐφύλαξεν καὶ τὸν Θεόγνιν καὶ ξένον ὄντα προέκρινεν. τί δὲ ἐκώλυεν αὐτὸν ἐκ ταύτης μὲν εἶναι τῆς Μεγαρίδος, ἀπελθόντα δὲ εἰς Σικελίαν, ὡς ἱστορία ἔχει, γενέσθαι νόμῳ Μεγαρέα ἐκεῖ, ὡς καὶ τὸν Τυρταῖον Λακεδαιμόνιον;

Как видим, по характеристике неизвестного нам по имени античного филолога занимающий нас вопрос уже тогда можно было назвать ἀμφιβολία πολλή. К оценке платоновского схолиаста мы еще вернемся, а пока постараемся с помощью этого схолия представить себе ход и развитие этой “амфиболии”.

Уже Дидим, а может быть, кто-нибудь из предшественников этого александрийца I в. до н. э., войдя в спор о родине Феогнида, спровоцированный (как будет подтверждено в свидетельстве Гарпократиона) занимающим нас пассажем платоновских “Законов”, определил высказывание Платона словом παριστορεῖ. Иными словами, на чье-то утверждение (из того же Гарпократиона будет видно, что таких было немало), будто из Платона следует сицилийское происхождение Феогнида, Дидим ответил так: Феогнид происходил из Мегар Истмийских, а Платон заблуждался.

Эту линию продолжил Валерий Гарпократион, александрийский филолог, по-видимому, II в. н. э., который в комментарии к речи Исократ (II, 43) рассуждает в духе Дидима (Harpocrat. p. 150 Dindorf, s. v. Θεόγνις):

Λυσίας ἐν τῷ κατ' Ἐρατοσθένους. οὗτος εἰς ἦν τῶν παρ' Ἀθηναίους λ' τυράννων, καθά φασιν ἄλλοι τε καὶ Ξενοφῶν ἐν β' Ἑλληνικῶν. τοῦ δὲ ποιητοῦ Θεόγνιδος μνημονεύει Ἰσοκράτης ἐν ταῖς πρὸς Νικοκλέα ὑποθήκαις· οὗτος δ' ἦν Μεγαρεὺς, ἀπὸ τῶν πρὸς τῇ Ἀττικῇ Μεγάρων· αὐτὸς γὰρ φησιν ὁ ποιητὴς ἦλθον μὲν γὰρ ἔγωγε καὶ εἰς Σικελίην ποτε γαῖαν. ᾧ μὴ ἐπιστήσας Πλάτων ἐν α' Νόμων τῶν ἐν Σικελίᾳ Μεγαρέων πολίτην ἔφασκεν. Κατηκολούθησαν δὲ τῷ Πλάτῳ οὐκ ὀλίγοι.

Гарпократион, таким образом, тоже признает платоновское утверждение о не-истмийской принадлежности Феогнида неправильным (понимая его, подобно Дидиму, как Protokollaussage) и обращает внимание на Theogn. 783 sqq., откуда каждому должно бы стать ясно, что

мнение о сицилийском происхождении Феогида неприемлемо. Удивительно только, как Платон, по этой версии, не понимает того, что ясно всякому. Между тем Платон почти наверное знал эти стихи, о чем свидетельствует то обстоятельство, что всюду, где он цитирует или намекает на Феогида, мы находим соответствующие стихи в нашем сборнике. Можно догадываться, что примерно на своем месте стояли и ст. 783–788, соседствуя со ст. 769–772, на которые Платон, как нам кажется, опирается в *Crat.* 406 а.⁴⁶

Наконец, приведенный выше схолиаст Платона, кратко очертив картину разногласия, столь напоминающей полемику новейшего времени, дает собственную оценку и Платонову контекста, и вопроса о родине Феогида. Разделяя мнение Дидима и Гарпократиона, что Феогид происходил из Мегар Нисейских, платоновский схолиаст вводит одно существенное новшество: он понимает, что Платон говорит о *втором* гражданстве Феогида – точно так же, как чуть выше он говорил о (хронологически последовательном) *двойном* гражданстве Тиртея. Анализ платоновского контекста краток, но несомненно выдает вдумчивого читателя первой книги “Законов”, способного не только анализировать то, что сказано, но и видеть, что стоит за высказываниями. Единственное, что схолиаст не отметил *expressis verbis*, так это необходимость предполагать здесь иронию при таком понимании платоновского высказывания, что потребовало бы от него определить точнее как содержание, так и форму этой иронии.

Тем более стоит обратить внимание на одну деталь, которую Платонов схолиаст дает нам сверх того, что можно понять без его помощи. Это слова схолиаста *ὡς ἡ ἱστορία ἔχει* применительно к гражданству в Мегарах сицилийских под конец жизни Феогида (*ἐπελθόντα*). Разумеется, не всякому замечанию греческих схолиастов стоило бы придавать вес, но, видя, как независимо и твердо схолиаст – опиравшийся, как предполагают знатоки платоновских схолиев, на Прокла⁴⁷ – разобрал запутанную уже в его время картину, следует признать, что он умел замечать и сходства, и разницу между источниками, а значит, кроме правильно понятого им высказывания Платона, скорее всего, имел еще и независимый от Платона источник в под-

⁴⁶ А. К. Гаврилов. Ремесло поэта, или Требовательные симпозиасты // *Древний мир и мы*. II (СПб. 2000) 29 сл.

⁴⁷ T. Mettauer. *De Platonis scholiorum fontibus* (Turici 1880) 29; в новейшем издании платоновских схолиев (*Schol. Plat. Leg.* ed. W. C. Greene, loc. cit.) такое происхождение не оспаривается.

тверждение того же представления о *второй* родине Феогида в Сицилии.⁴⁸ Высказывания античных толкователей-эрудитов, ни разу не упомянувших кроме Платона никого, кто высказывался бы о сицилийском *происхождении* Феогида, делают весьма правдоподобным представление, что кроме Платона “свидетельств” об этом не было,⁴⁹ зато были такие, что касались его второго – и позднего – гражданства в Мегарах Гиблейских. Спор о сицилийском происхождении возник, по всей видимости, именно из-за “художественности” высказывания Платона, с одной стороны, и откликах на смену Феогидом гражданства с другой.

Генеалогия поздних высказываний по этим вопросам, не представляя значительного интереса для решения вопроса о родине Феогида, поучительна как пример бытования традиции; именно в этом пункте лежит, нам кажется, заслуга Ф. Ницше, который старался разобрать взаимоотношения поздних греческих сводов историко-литературной информации применительно к занимающему нас обстоятельству⁵⁰ и даже попробовал реконструировать два высказывания о биографии Феогида у Гезихия Иллистрия Милетского (VI в. н. э.), который был затем использован Судой (компилятор Суды прибавил от себя разве что элемент “христианского гнева”);⁵¹ Ницше не исключал при этом, что *Πίνακες* Гезихия Милетского опирались в конечном счете на одноименное сочинение Каллимаха, что, конечно, гадательно.⁵²

* * *

Итак, происхождение поэта – одно, перипетии гражданства – другое. Родиной (Geburtsstadt), где Феогид увидел свет, слушал “достой-

⁴⁸ Нельзя исключать, что именно этот источник (или источники) платоновского схолиаста, не имевший, надо думать, столь литературной формы, как высказывание Платона, навел его на мысль, как на деле следует понимать последние; однако и в этом случае схолиаст умел выявлять различную свидетельскую ценность различных форм высказывания и показал искусство не складывать свидетельства, а соединять их.

⁴⁹ Нельзя согласиться с Р. Рейценштейном (R. Reitzenstein. *Epigramm und Skolion. Ein Beitrag zur Geschichte der alexandrinischen Dichtung* [Giessen 1893, anastat. s. a. Hildesheim] 270–273 [Exkurs 2]), который полагал, что спор о родине Феогида существовал уже при Платоне.

⁵⁰ F. Nietzsche. *Op. cit.* (см. прим. 35) 198 ff.

⁵¹ Что касается так наз. Евдокии (Eudociae *Violarium*. Rec. Ioannes Flach. [Lipsiae 1880] 447), то об этой компиляции XVI в. не стоит, по-видимому, и говорить (L. Cohn, *Eudokia 3 // RE VI*, I [1907] 912 f.).

⁵² Сообщение Суды (Suid. *Lex.* II, 692, 13–19; cf. *ibid.* IV, 754, 19–22) взято, наверное, не из комментариев, опиравшихся на Платона, а из реального или потенциально-

ных” и развил значительную часть своего творчества, без всякого сомнения были Мегары Истмийские; второй, или, осторожнее сказать, новой родиной, принявшей поэта в изгнании (*Adoptivstadt*), почти наверняка стали Мегары Гиблейские. Это естественное в плане отношений метрополии и колонии новое гражданство поэта закреплено высказыванием Платона, который говорит только о сицилийском гражданстве Феогида, исходя из общеизвестности его первого и главного гражданства.

Художественно осложненное высказывание Платона дает, таким образом, весьма емкое свидетельство, интересное для исследователя Платона по своей структуре, а для биографа Феогида – именно в сицилийской своей части, так как вместо смутных указаний на связь Феогида с Сицилией из этого высказывания со всей определенностью следует, что Феогид получил гражданство в Мегарах Гиблейских. Были, кажется, и другие источники, утверждавшие это, но до нас они дошли лишь в виде глухого упоминания у платоновского схолиаста. Более того, с известной степенью вероятности из Платона и платоновского схолия выводится и хронологическое обстоятельство: ведь ирония Платона звучала бы менее убедительно, если бы гражданство в Мегарах Сицилийских не распространялось на конец жизни поэта⁵³ и не было бы как вынужденным, так и окончательным. Мотивированный бытовыми обстоятельствами и временный переезд вряд ли побудил бы Платона пускаться в ход все свои литературные возможности.

То, что форма высказывания Платона дала повод для ложных умозаключений о родине Феогида уже в древности, примечательно в плане истории традиции. На фоне разгоревшейся уже тогда полемики о родине Феогида толкование, нами отстаиваемое и – хочется думать – подкрепляемое, кратко и внятно выражено в античном схолии к интересующему нас пассажиру Платона. Высокое филологическое качество этой позднеантичной реплики связано с последними веками платоновской Академии в Афинах. Этот платоновский схолий давно известен, и заблуждения новейшего времени относительно двух родин Феогида показывают, как легко

го адресата критики Дидима, относившегося к той категории, которую Гарпократион характеризовал как “немалочисленную”.

⁵³ В том смысле, что Феогид имел какое-нибудь – например, почетное – гражданство в Сицилии в какой-то момент своей подвижной жизни и своих поездок, высказывались многие (ср. выше прим. 28; Schoemann. *Op. cit.* в прим. 26 и др.); так полагает и К. Шепсдау (см. выше прим. 11, loc. laud.).

происходит возвращение на круги своя в некоторых старых историко-филологических вопросах.⁵⁴

А. К. Гаврилов

*Петербургский филиал Института Российской истории РАН
Bibliotheca classica Petropolitana*

Der Verf. versucht, die verschiedenen Annahmen bezüglich der *quaestio vexata* nach der Heimatstadt des Theognis von Megara aufs Neue zu beleuchten. Bekannte Indizien sprechen zum einen dafür, daß der Kern des *Corpus Theognideum* dem Isthmischen Megara gewidmet ist. Zum anderen bringt der Verf. Argumente vor, denen zufolge auch die V. 783 ff. dem Dichter des *Corpus* zuzuschreiben sind. Daraus wäre zu schließen, daß Theognis, als er das Gedicht 773–787 schrieb, Sizilien noch vom Isthmischen Megara aus bereiste. Da es unwahrscheinlich ist, daß Platon (*Leg.* 630 a) als Kenner des Theognis sowohl über die Geschichte des ihm persönlich vertrauten Isthmischen Megara als auch des von ihm besuchten Sizilien so wenig unterrichtet war, daß er etwas aussagen konnte, was augenscheinlich der nicht allzu fernen Wirklichkeit widersprach, muß man Platons Benennung des Theognis als sizilischer Bürger ironisch verstehen. Laut B. Lavagnini erhoben die eitlen Bürger des sizilischen Megara Ansprüche auf diese kontinentale Berühmtheit. Da jedoch auf eine solche Begründung im Text auf keinerlei Weise hingewiesen wird, ist die Ironie anders aufzufassen. Auf der Eigentümlichkeit des wechselnden Ethnikons, die von der in der Antike nicht seltenen Doppel- und Zweitbürgerschaften herrührt, beruhen z. B. solche ironische Patronymika wie Σωκράτης ὁ Μήλιος (*Arsph. Nub.* 830) oder Περσαῖος Ζήνωνος Κιτιῶ (Athen. IV, 162 b; vgl. Περσαῖος ὁ τοῦ Ζήνωνος bei Dio Chrysost. 36 [LIII] 5 von Arnim). Gerade das wird im weiteren Kontext des besprochenen Passus über die beiden (direkt benannten) Bürgerschaften des Tyrtaios angedeutet (*Leg.* 629 a), dessen Ideen und Schicksal denjenigen des Theognis gezielt gegenübergestellt werden. Die Ironie, die in der Wendung “ein Bürger des Sizilischen Megara” liegt, gilt dem Bewußtsein von der politischen Unbeständigkeit und darüberhinaus wohl auch der Bedeutung Siziliens im Leben sowohl des Theognis wie Platons. Somit läßt sich aus der Platonstelle schließen, daß

⁵⁴ Материал посвящается А. И. Зайцеву как руководителю продолжавшегося около двух десятилетий платоновского семинара, посвященного “Законам”, – одного, думается, из самых долголетних в анналах классической филологии, не только отечественной. Кроме филологического энциклопедизма этот семинар, посвященный утопии философской в центре утопии политической, вел участников к свободе знания, мнения и выбора. В середине 80-х годов, когда “Законы” были целиком проработаны в упомянутом “перманентном” семинаре, автор прочел доклад по теме настоящей статьи перед взыскательным кругом его участников. Немецкое резюме настоящей статьи просмотрено Т. Гельцером (Берн).

Theognis nach einem oder mehreren Besuchen nicht näher genannter Orte Siziliens zum Ende seines Lebens hin – eher unfreiwillig – die Bürgerschaft von Megara Hyblaea annahm. Auf diese Weise läßt sich die Intention von Platons Ironie mit dem Stand seiner zuverlässigen Kenntnisse in Einklang bringen.

Während sich schon in der Antike die Quelle der Suda und einige spätere wenig verlässliche Quellen auf die mißverstandene Platonstelle stützen und das sizilische Megara zur Heimatstadt des Theognis erklären, wiesen Didymos und Harpokration diese Angabe als Fehler zurück. Im bekannten Platon-Scholion (*Schol. Plat. Leg. I, 630*, ed. W. C. Greene, p. 301 sq.) wird der Tatbestand umfassender analysiert und die Wendung nicht als bloße Protokollaussage, sondern als bewußte im Kontext wurzelnde ironische Allusion verstanden. Wenn man der philologischen Dignität des Platon-Scholiasten die gebührende Anerkennung gewährt, läßt sich aus seinem Kommentar eine zusätzliche Erkenntnis gewinnen: Danach gab es auch andere Zeugnisse, nach denen Theognis sein zweites Bürgerrecht in Megara Hyblaea bekam.